

A photograph of a woman with long brown hair, seen from behind, standing on a grassy bank and looking down a river. The river is filled with blue and white foam, suggesting pollution. In the background, there are multi-story apartment buildings, a bridge, and power lines under a blue sky with white clouds.

Артём Смоляков

Чёрная вода

Артём Смоляков

Чёрная вода

«Автор»

2026

Смоляков А. А.

Чёрная вода / А. А. Смоляков — «Автор», 2026

Дон — не просто река. Он дышит. Он помнит. И он ждёт. Когда в Ростове-на-Дону из кранов начинает течь вода с привкусом мяты и старой монеты, студентка-историк Настя Сидорова находит дневник казачьего урядника 1918 года. В нём — предупреждение: под городом, в иле и песке, спит нечто древнее, голодное и одинокое. Семь дней до пробуждения. Семь дней до того, как вода войдёт в каждый дом, в каждого человека, в каждый сон. Настя — не случайная свидетельница. Она — часть цепи. Звено в бесконечной борьбе, которую никто не видит, но чувствуют все, кто родился у этой реки. «Чёрная вода» — это городской эпос о страхе, усталости и одиночестве, которое древнее самого города. История о том, как закрыть дверь, даже если ключ — ты сам.

© Смоляков А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Артём Смоляков

Чёрная вода

Чёрная вода

Пролог

Он пришёл не из степи и не из-под земли. Он пришёл из воды.

Ростов-на-Дону спал тяжёлым, мыльным сном привокзального района. В окнах коммуналок горел редкий жёлтый свет, а люди, заглушая гул пустых составов, пили валерьянку. Настя Сидорова, студентка-историк, стояла на набережной и наблюдала, как маслянистая гладь Дона лижет ржавые сваи. Ей казалось, что в глубине, под отражением мостовой фермы, шевелится нечто большее, чем сом.

Она не знала, что в ту же секунду на дне, в тридцати метрах от ила, вскрылась капсула времени. Не наша, не советская — та, что лежала там ещё до того, как первые славянские ладьи ткнулись носом в эти берега. Капсула была не металлической, а органической, пульсирующей, похожей на спящий желудок.

И этот желудок проснулся.

Первым пропал бакенщик дядя Гриша. Его нашли через три дня — сидящим на деревянном кнехте с белыми, как мел, глазами и улыбкой, которая не помещалась на человеческом лице. Он повторял одно слово: «Дно». Врачи в БСМП списали это на тепловой удар, но медсестра Ирина, заступая на ночную смену, видела, как под кожей его рук перекатываются тёмные узоры, словно черви, пишушие на древнегреческом.

А потом началось веселье.

В многоэтажках на проспекте Стачки начали выть собаки — все разом, в унисон, хотя дворы не сообщались. Водопроводная вода из кранов пахла сначала йодом, потом — тухлым мёдом, а затем — тем, что не имеет запаха в природе, но от чего сводило челюсти.

В городе, который всегда стоял на реке, вдруг перестали бояться воды. Наоборот, её стали жаждать. Пацаны в «Леруа Мерлен» скупили все шланги, пенсионерки из Западного тайком лили в супы доисторическую жижу из-под крана, а уличные художники вместо граффити рисовали спирали, которые, если всмотреться, вращались против часовой стрелки, даже будучи нарисованными мелом.

Настя к тому времени уже рылась в архивах областной библиотеки, задыхаясь от пыли и страха. Она нашла дневник казачьего урядника 1918 года. Тот писал, что во время отступления белых Дон «заговорил»: из водорослей вылезли лики, непохожие ни на людей, ни на ангелов, и шептали формулы, от которых сворачивались подковы. Урядник перерезал себе горло бритвой, но перед смертью успел вывести на обороте иконы: «Он спит в изгибе реки. Будит — город».

Теперь Настя стояла у окна своей общаги на Ворошиловском и видела, как Дон изменил цвет. Он стал не чёрным, нет. Он стал цвета старой агатовой пустоты, той, что бывает только в снах, когда падаешь бесконечно. Вода начала прибывать, хотя плотины были целы. Она поднималась не по законам физики, а по законам сна — затопливая сначала подвалы, потом первые этажи, и вместе с ней по улицам поплыли не доски и мусор, а странные конусы из плоти, похожие на обрубки щупалец.

Город Ростов-на-Дону переставал быть городом. Он становился чашей.

И в эту самую минуту, когда часы на железнодорожном вокзале пробили полночь, а в реке вздохнула бездна, Настя поняла главное: этот сон не закончится, когда она проснётся. Потому что она уже не спит. И древнее, что лежало в капсуле, не хотело есть или разрушать. Оно хотело одного — чтобы его услышали.

Оно начало петь. И первой запела вода.

А вторая запела кровь в жилах каждого, кто родился в радиусе ста вёрст от этой реки.

Глава 1

Вода в чайнике пахла мятой.

Настя стояла на кухне общежития, держа в руках кружку с заваркой, и наблюдала, как струя из крана наполняет чайник. Она знала этот запах с детства — каждое лето в станице бабушка заваривала мятный чай из пучков, которые висели под крышей. Но там запах был наполнен солнцем и сухой травой, а здесь, в тесной клетушке на Ворошиловском, где стены хранили ароматы табака, жареной картошки и чьих-то ссор, он казался другим. Он был влажным, сладковато-гнилым, и в нём угадывалось что-то металлическое, как от старой монеты, которую долго держали в кулаке.

Настя выключила воду. Чайник был полон, но она почему-то не решалась его включить. В голове всплыл обрывок вчерашнего сна: она стоит по пояс в Дону, а вокруг неё кружат не рыбы, а лица. Знакомые лица — сокурсников, соседей, мамы — только у всех глаза закрыты, а рты приоткрыты в беззвучном пении. И дно под ногами мягкое, тёплое, живое.

— Насть, ты воду зря тратишь? — донёсся из соседней комнаты сонный голос Алины. — Там счётчик зашкалит.

Настя вздрогнула. Она поставила чайник на плиту, но кнопку не нажала. Вместо этого она поднесла кружку к носу. Внутри плавали чёрные точки, слишком крупные для накипи. Она выплеснула заварку в раковину. Пятно растеклось по белому фаянсу, оставляя за собой маслянистую дорожку, которая не смывалась водой.

Настя тёрла раковину губкой пять минут. Сначала пальцы немели от холодной воды, потом начали зудеть. Дорожка не исчезала — она просто меняла форму, сворачиваясь в спираль, и Настя поймала себя на том, что смотрит на неё как заворожённая, считая витки. Один, два, три... На седьмом она с силой швырнула губку в ведро.

— К чёрту, — сказала она вслух. Голос в пустой кухне прозвучал хрипло, будто она не пила сутки.

Она вышла в коридор. Общажная тишина была особенной — не той, что бывает ночью, а той, что случается в субботу в восемь утра, когда все, кто мог, уехали на выходные к родителям или в клубы, а оставшиеся дрыхнут без задних ног. Настя прошла мимо двух дверей, мимо плиточного пола с выщербленным углом, мимо велосипеда, который уже второй год ржавел у батареи, и остановилась перед своей комнатой.

Ручка была липкой. Она не помнила, чтобы мыла её вчера. Но пальцы приклеились к металлу, и, отрывая их, она услышала тихий звук, похожий на отдираание пластыря от раны.

Внутри пахло архивом.

Она не убирала папки с выписками — они лежали на столе, на подоконнике, на полу, образуя бумажные сталагмиты. Дневник урядника, тот самый, что она нашла в областной биб-

лиотеке в четверг, лежал раскрытым на странице тринадцать. Он всё ещё был в её голове. Она перечитывала его уже раз десять, но каждый раз находила новые детали.

«Дон заговорил с нами перед самым рассветом. Голос шёл не с поверхности, а из глубины, будто кто-то ударил в колокол под водой. Звук был таким низким, что у казаков кровь пошла носом. Мы думали — обстрел. Но снаряды не летели. А потом вода пошла назад. Против течения. Вверх по руслу. И в ней плыли...»

Там стояло стёртое слово. Настя пыталась разобрать его под лупой в читальном зале, но библиотекаря, тётка Зина, смотрела на неё так, будто та выносит фолианты в трусах. В итоге она сфотографировала страницу на телефон и теперь приближала картинку, сидя за столом, жуя пересохшими губами.

Слово было похоже на «колокола», но буквы чуть смещены. «Колокольцы». Нет. «Колоклицы». Бессмыслица.

Она закрыла папку. Закрыла глаза. Пальцы помнили шершавую бумагу, и этот осязательный след казался более реальным, чем утренний свет за окном. За окном было серо. Ростовское небо нависало тяжестью, как мокрая вата, и Дон внизу, за набережной, был виден отсюда — полоса стальной воды, неподвижной, как олово.

Настя вдруг поняла, что не слышит звуков города. Не было ни машин с проспекта, ни гудков тепловозов с вокзала, ни ветра, который обычно гулял между корпусами общежития. Тишина стояла такая плотная, что давила на перепонки, и в этой тишине собственное дыхание казалось чужим — слишком громким и слишком влажным.

Она встала и подошла к окну. Пальцы коснулись стекла — оно было тёплым. В конце сентября, в восемь утра, стекло должно быть ледяным. Но оно грело, как батарея, и по нему изнутри ползла тонкая сеть трещин, которых вчера не было.

— Алина, — позвала Настя громче. — Ты спишь?

Ответа не было. Она выглянула в коридор. Дверь соседней комнаты была приоткрыта, и оттуда тянуло сыростью. Обычно Алина не выносила сквозняков и всегда закрывалась. Настя толкнула дверь — та поддалась с противным скрипом, и она увидела, что пол в комнате залит водой. Небольшая лужа, может, ведро, но вода была не прозрачной, а мутной, молочной, и в ней плавали какие-то нити, похожие на распущенные бинты.

Алина сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела в стену. Глаза её были открыты, но зрачки расширены так, что почти скрыли радужку. Она держала в руках смартфон, но не смотрела в него, а смотрела сквозь.

— Алин? — Настя шагнула в комнату. Вода хлопнула под её резиновыми шлёпанцами. — Ты чего?

Алина повернула голову. Движение было плавным, но слишком медленным, как у человека под водой. Она улыбнулась. Улыбка была её обычной, алининой — с лёгкой кривизной, которую все называли «шармом». Но глаза оставались пустыми.

— Он пел, — сказала Алина тихо. — Ты слышала? Он пел всю ночь. Прямо под подушкой.

Настя сделала шаг назад. Вода под ногами была тёплой. Она чувствовала её даже сквозь резину — странное, пульсирующее тепло, как от спящего тела. Алина поднесла смартфон к уху.

— Он сказал, что мы все уйдём вниз. Не утонем, а уйдём. Там воздух есть, Насть. Там только темнота, но она дышит.

Она говорила это с той же интонацией, с какой обычно рассказывала о новых туфлях на «Авито». Буднично, спокойно. И это было страшнее крика.

Настя вышла из комнаты. Пятки горели, хотя она не бежала. Сердце стучало где-то в горле, и она слышала этот стук вместе с тишиной, которая всё ещё стояла за окном. Она зашла в свою комнату, заперла дверь и прислонилась к ней спиной, глядя на раскрытый дневник на столе.

Вода в кране на кухне закапала. Кап. Кап. Кап. Ритмично, как метроном. Настя зажала уши ладонями, но капли слышались всё равно — прямо в черепе, под костями.

Она подошла к столу. Села. Положила руки на бумагу, и её ладони показались ей слишком белыми, почти прозрачными, и под кожей, на запястье, она увидела тонкую чёрную нить — вену, которая пульсировала в такт каплям. Но вены у неё были синие, всегда были синие.

Она поднесла запястье к глазам. Нить не была веной. Она была рисунком — тонким, как паутина, и она ползла. Прямо сейчас, под кожей, она ползла вверх, к локтю, оставляя за собой тёмную дорожку, похожую на ту, что осталась от заварки в раковине.

Настя почувствовала, что пол под ногами стал мягким. Деревянный линолеум, который вечно отклеивался по углам, вдруг прогнулся, как резина. Она посмотрела вниз. Половые доски темнели, набухали, и между ними проступали капли — мутные, маслянистые, с тем же запахом старой монеты и мяты.

Она встала и попыталась отойти, но ноги словно приросли к полу. Она чувствовала, как влага поднимается к щиколоткам, пропитывая штанины пижамы. Ткань стала тяжёлой и липкой.

Телефон на столе завибрировал. Она протянула руку, и экран высветил уведомление: «Мама». Но сообщение было не текстовым, а в виде записи. Настя нажала на воспроизведение, и из динамика полился звук.

Это не был голос её мамы. Это был звук реки — глухой, переливчатый, исходящий из самых низких частот. Но в нём, словно второе дно, угадывались слова. Не на русском языке и не на каком-либо известном ей языке, но Настя их поняла.

Они сказали: «Начинай считать. Семь дней до пепла».

Она выронила телефон. Он упал на стол, и экран треснул — от края до края пошла сеть, точно такая же, как на оконном стекле. Настя отшатнулась и прижалась спиной к стене. Стена была влажной. Обои пузырились, отслаивались, и из-под них сочилась тёмная жидкость, собираясь в капли, которые стекали вниз, на пол, в эту разрастающуюся лужу.

Тишина за окном кончилась.

Дон запел.

И первый звук был таким низким, что у Насти заложило уши, а в груди заныло — будто кто-то сжал её сердце холодной ладонью. Она закрыла глаза. В темноте под веками пульсировали спирали. Они закручивались, затягивая в себя последние остатки того, что она считала собой.

Она не знала, сколько это длилось — минуту, час или вечность.

Когда она открыла глаза, вода в комнате стояла уже по щиколотку. Чайник на плите в кухне закипел и свистел, но свист этот был не резким, а певучим, и в нём слышалась мелодия, которую она никогда не забудет.

И она действительно её не забыла.

Потому что эта мелодия вошла в неё так же, как вода вошла в комнату — без спроса, без стука.

Настя посмотрела на свои руки. Чёрная нить под кожей достигла локтя и остановилась. Там, где она закончилась, кожа стала прозрачной, как плёнка, и сквозь неё было видно нечто тёмное, пульсирующее, что двигалось в такт воде.

Она подняла голову и увидела своё отражение в тёмном, влажном стекле окна.

Отражение улыбалось.

Но Настя не улыбалась.

А внизу, в Дону, там, где ил был толщиной в человеческий рост, капсула раскрылась полностью. И то, что в ней спало, потянулось вверх — не щупальцами, не руками, а мыслью. Мыслью, которая была тяжелее воды, тяжелее города, тяжелее самой земли.

И эта мысль вошла в дома, в краны, в подвалы, в сны.

«Семь дней, — сказала она. — Семь дней до того, как ваши колокола зазвонят в унисон с моим голосом».

И в Ростове-на-Дону никто этого не услышал.

Кроме Насти.

И кроме тех, кто уже стоял по пояс в тёплой, живой воде и ждал, когда она поднимется выше.

Глава 2

Она стояла в луже по щиколотку и смотрела на своё отражение в оконном стекле. Отражение улыбалось, но уголки губ дрожали — будто кто-то тянул их вверх невидимыми лесками, а внутри, под кожей, сопротивлялась другая Настя, та, что ещё помнила, как это — не чувствовать воды у ног.

Она моргнула. Отражение моргнуло на секунду позже.

— Это сон, — сказала она вслух. Голос осел вязким комком в гортани. — Это просто недосып. Чайник. Нужно выключить чайник.

Она сделала шаг. Вода подошвой шлёпанца поднялась, обтекла пальцы ног, и Настя ощутила, как что-то скользкое, тонкое, как нитка, коснулось её лодыжки. Она дёрнула ногой — и ничего не поймала. Но ощущение осталось: прикосновение было не холодным, а тёплым, почти живым, и оно на секунду сжалось вокруг кости, словно пробуя её на вкус.

Чайник на кухне всё свистел. Но свист менялся — из резкого, бытового он превращался в протяжную ноту, похожую на вой одинокой сирены. Настя вошла в кухню, хлюпая по мокрому линолеуму. Плита была старой, советской, с облупившейся эмалью. Чайник стоял на конфорке, и пар валил из носика густыми клубами, хотя вода давно должна была выкипеть.

Она протянула руку к ручке. Металл обжёг ладонь даже через кухонное полотенце, но она не отдёрнула. Вместо этого она подняла чайник и увидела, что внутри, в мутном кипятке, плавает нечто серое, размером с кулак. Похожее на свёрнутый лист лопуха, но с прожилками, которые пульсировали в такт её собственному сердцу.

Она поставила чайник обратно. Руки тряслись. Она отошла к столу, села на табуретку с отломанной ножкой, и уставилась на свои пальцы. Чёрная нить под кожей правой руки достигла локтя и замерла. Но под левой, там, где нити не было, кожа начала зудеть — мелко, навязчиво, будто под ней копошились муравьи. Она почесала запястье. Через секунду на коже проступили красные полосы, и из них, из царапин, сочилась не кровь, а прозрачная жидкость, пахнувшая рекой.

— Алина, — прошептала Настя. — Господи, Алина.

Она встала, но ноги сделались ватными. Пол качнулся под ней, и она ухватила за край стола. Железная ножка стола была холодной, нормальной, человеческой, и это прикосновение вернуло ей немного реальности. Она пошла в коридор. Вода здесь была уже выше, чем в комнате, — на уровне икр. Она стекала с отклеившихся обоев, капала с потолка, хотя наверху никто не жил уже год. Капли падали с мерным, пугающим ритмом, и в этом ритме Настя слышала тот же подводный колокол, что и в дневнике урядника.

Дверь в комнату Алины была закрыта. Настя толкнула плечом — дверь поддалась, но за ней оказалась не комната. За ней оказалась стена. Гладкая, серая стена, которой там не было. И по стене тёк тёмный, маслянистый ручей, стекающий вниз, в общую лужу.

— Алина! — закричала Настя, и крик вырвался хрипом. Она колотила по стене кулаками, но та была твёрдой, как бетон, и в ответ из-за неё не раздалось ни звука.

Только вода. Вода звенела, переливалась, дышала.

Настя отступила. Спина упёрлась в перила лестницы, которая вела на второй этаж. Она не помнила, чтобы на их этаже была лестница. Общага была двухэтажной, но их секция всегда была тупиковой. А теперь железные ступени уходили вверх, в темноту, и каждая ступенька была покрыта слоем слизи, которая мерцала зеленоватым светом.

Она не пошла вверх. Она пошла вниз.

Вниз, к выходу.

Дверь на улицу была приоткрыта, и Настя вывалилась наружу, жадно вдохнув сырой утренний воздух. Ноги дрожали. Пижама насквозь промокла и липла к телу, и она чувствовала, как холодный ветер с Дона обжигает влажную кожу.

Двор общежития выглядел обычно. Серые панельные стены. Покосившаяся скамейка. Тополь, с которого облетели листья. Но асфальт под ногами был мокрым, хотя дождя не было. И лужи стояли странные — не круглые, а вытянутые, стреловидные, как следы огромных пальцев.

Настя сделала несколько шагов по двору. В голове гудело. Она попыталась вспомнить номер телефона мамы — не смогла. Цифры расплывались, превращаясь в спирали. Попыталась вспомнить, что она ела вчера — не смогла. Вкус был только один: мята и железо.

Она остановилась у скамейки и опустилась на неё. Дерево было влажным, но она не чувствовала холода. Она чувствовала только пульс. Где-то глубоко внутри, в груди, в животе, в позвоночнике — везде бился один и тот же ритм: кап-кап-кап, кап-кап-кап.

Она подняла голову и посмотрела на Дон.

Река была не там, где должна быть. Она вышла из берегов, но не затопила набережную — она просто стояла вертикальной стеной воды высотой с трёхэтажный дом. И в этой стене двигались тени. Большие, медлительные, непохожие ни на рыб, ни на людей.

Настя зажмурилась. Открыла. Стена воды была на месте. И в ней, прямо напротив неё, она увидела лицо. Своё лицо. С огромными чёрными глазами без белков, с ртом, растянутым в улыбку на все тридцать два зуба, и эти зубы были не белыми — они были серыми, влажными, похожими на речную гальку.

Лицо моргнуло. И исчезло.

Настя вскочила. Сердце колотилось так, что она слышала его ушами. Она побежала. Не к общежитию, не к проспекту, а куда-то вбок, к старому гаражному кооперативу, где всегда пахло бензином и ржавчиной. Там было сухо. Там было безопасно.

Она бежала, шлёпая мокрыми шлёпанцами по асфальту, и слышала за спиной звук — не шаги, а плеск. Будто по лужам шло что-то тяжёлое, многоногое. Она не оборачивалась. Она знала, что если обернётся — увидит то лицо, только не в воде, а вживую.

Гаражи возникли перед ней ржавыми коробками, набитыми хламом и прошлым. Она нырнула между двумя бетонными блоками и прижалась спиной к холодной стенке. Грудная клетка ходила ходуном. Лёгкие жгло. Она зажала рот ладонью, чтобы не дышать так громко.

За спиной, в пяти метрах, плеск стих.

Настя стояла и ждала. Секунды тянулись, как резина. Она слышала, как капает вода с крыш гаражей. Как скрипит где-то несмазанная петля. Как её собственные зубы стучат друг о друга с сухим, костяным звуком.

И вдруг — она услышала голос.

Не извне. Изнутри. В затылке, в том месте, где позвоночник входит в череп, зазвучал шёпот. Он был нечеловеческим — слишком низким, слишком медленным, и в нём не было слов. Но она поняла его.

«Глаза — стеклянные зубы. Смотри, и они сомкнутся».

Она открыла глаза. Не помня, когда успела их закрыть. И увидела, что на ржавых воротах гаража, прямо перед её лицом, проступает рисунок. Спираль. Такая же, как на раковине. Такая же, как на треснувшем экране телефона. Она закручивалась внутрь, в себя, и Настя почувствовала, что её взгляд прилипает к центру, как язык к мороженому.

— Не смотри, — прошептала она себе под нос. — Настя, не смотри.

Но она смотрела.

Центр спирали был тёмным, и в этой темноте что-то шевелилось. Что-то, что было больше её понимания. Больше города. Больше реки. Она увидела капсулу на дне Дона — пульсирующий желудок, который развернулся, как цветок. Она увидела, как из него тянутся нити — те самые чёрные нити под кожей, только каждая толщиной с руку, и они пронизывают грунт, стены, дома, людей.

Она увидела себя со стороны — девочку в мокрой пижаме, стоящую у гаража, с лицом, которое превращается в маску. И на этой маске, на её собственном лице, распускается улыбка, которую она не контролирует.

— Нет, — сказала она. Но рот не слушался. Рот улыбался. — Нет, я не хочу.

Шёпот в затылке стал громче. И в нём проступило слово:

«Семь».

Настя дёрнулась. Из всех сил она оторвала взгляд от спирали и ударилась затылком о бетонную стенку. Боль вспыхнула белым светом, и рисунок на воротах исчез, растворился в ржавчине, будто его и не было.

Она сползла по стенке на корточки. Трясло всего. Колени стучали друг о друга. Пижама на спине промокла от пота, смешанного с той тёплой, маслянистой водой.

Она посидела так несколько минут. Может, час. Время потеряло форму. Но когда она наконец поднялась, то поняла одну вещь: она больше не боится. Вернее, страх остался, но он стал другим — острым, холодным, похожим на лезвие. И это лезвие резало не её, а ту пелену, что застилала глаза.

Она посмотрела на свои руки. Чёрная нить под правой теперь поднялась до плеча. Под левой — проступила вторая, тоненькая, как волосок, и ползла вверх, набирая скорость.

Настя выпрямилась. В голове прояснилось, и она вдруг чётко вспомнила номер мамы. Семь цифр. Как в том шёпоте.

Она сунула руку в карман пижамы — телефон был на месте, мокрый, с треснутым экраном. Она набрала номер. Трубку взяли не сразу. На третьем гудке раздался голос — мамин, родной, с лёгкой хрипотцой, от которой у Насти навернулись слёзы.

— Мам, — сказала она, и голос дрогнул. — Мам, у нас что-то случилось. Вода поднялась. Я не знаю, что это, но... ты слышишь?

В трубке повисла пауза. И сквозь шипение, сквозь помехи, сквозь сотни километров проводов и вышек, Настя услышала то же самое. Мяту и старую монету. И шёпот, который шёл из динамика, из того самого, что был на другом конце.

«Семь дней, доченька. Семь дней».

Это был мамин голос. Но слова — не её.

Настя отняла трубку от уха. Посмотрела на экран. Там, на треснутом стекле, вместо контакта «Мама» пульсировала надпись, которую она не вводила:

«ДНО».

Настя сжала телефон в кулаке так, что побелели костяшки. И впервые за всё утро она не заплакала. Она не чувствовала слёз. Внутри была только вода. И она знала, что если сейчас разожмёт кулак, то вместо треснутого стекла увидит в своей ладони серый, гладкий зуб — такой же, как у той улыбки в речной стене.

Она разжала ладонь.

Телефон был цел. Но в центре экрана, поверх трещин, нарисовалась чёрная спираль. И она медленно вращалась, затягивая в себя остатки реальности.

Настя поднесла телефон к уху. В динамике всё ещё звучал мамин голос — но теперь он пел. Ту же мелодию, что пел чайник. Ту же, что пела вода в коридоре.

И Настя, сама не замечая того, начала подпевать.

Тихо. На выдохе.

Первый звук вырвался из её горла чужим, низким, идущим не от голосовых связок, а откуда-то из живота, из того места, где плескалась тёплая, живая тьма.

И в этот момент за спиной, в глубине гаражей, что-то ответило.

Тяжёлое, мокрое, оно двинулось к ней.

А Настя, стоя с телефоном у уха и глядя на вращающуюся спираль, не обернулась. Она ждала. И, странное дело, она больше не хотела бежать.

Она хотела увидеть.

Город Ростов-на-Дону уже не спал. Но и не просыпался.

Он тонул. Не в воде — в голосе.

А на дне Дона капсула раскрылась полностью, и из неё, разворачиваясь в толще ила, поднималось тело. Оно не имело формы. Оно имело только намерение.

И это намерение звучало в каждой капле, в каждом вздохе, в каждом человеке, который хотя бы раз зачерпнул из реки.

Семь дней, — повторило оно. — Семь дней до того, как колокола зазвонят.

И в старой ростовской церкви Всех Святых, что стояла на берегу, колокол качнулся сам собой. И ударил.

Раз.

Звук разнёсся над водой, и всё, что было живым, замерло.

Настя услышала этот удар. И улыбнулась.

Наконец-то.

Глава 3

Она обернулась.

Не потому что захотела. Потому что шея повернулась сама — медленно, с хрустом, будто позвонки отвыкли от этого движения. И в этом хрусте ей послышалось эхо колокольного удара, того самого, что только что расколол тишину над Доном.

Между гаражами стоял человек.

Нет, не человек. То, что было человеком час назад. Мужчина в промасленной робе автомеханика — Настя видела его раньше, он работал в боксе через три от её общежития. Звали его, кажется, дядя Витя. Она пару раз просила у него ключ, когда захлопывала дверь в комнату. Он был грузным, красномордым, с вечным запахом солянки и доброй улыбкой.

Сейчас он стоял в десяти метрах, и его доброй улыбки не было.

Была вода. Она лилась из его глаз — не слёзы, нет, а именно лилась, двумя мутными струями, стекала по щекам, по шее, по воротнику рубашки. Кожа на его лице была серой, натянутой, как пергамент, и под ней, на скулах, пульсировали тёмные нити — точно такие же, как на руках Насти. Они ползли к вискам, собирались в узлы, и в этих узлах что-то шевелилось.

— Настя, — сказал он. Голос был его, дяди-Витина, но в нём звучала та же низкая нота, что и в шёпоте из затылка. — Ты слышала колокол?

Она не ответила. Пятки вросли в мокрый асфальт. Телефон в руке завибрировал — экран погас, и спираль исчезла, оставив только трещины, похожие на разбегающихся пауков.

— Он зовёт, — продолжал мужчина. — Он зовёт всех, кто пил эту воду. А мы все пили, Настя. Мы все пили всю жизнь. Только он спал. Теперь он проснулся. И он хочет, чтобы мы пришли.

Он шагнул вперёд. Шаг был ломаным — левая нога волочилась, правая ставилась слишком твёрдо, как у манекена. Из-под подошвы его кирзового сапога сочилась та же маслянистая жидкость, и на асфальте оставались следы, которые не высыхали.

Настя отступила на шаг. Спина упёрлась в бетонную стену гаража. Сердце колотилось где-то в горле, и она чувствовала его вкус — железный, солёный.

— Не подходи, — сказала она. Голос был чужим, тонким, как лезвие. — Я кричать буду.

Дядя Витя остановился. Наклонил голову набок — слишком сильно, почти под прямым углом, и в этом жесте было что-то птичье, неестественное. Из его уха, из мочки, где висела дешёвая сережка-гвоздик, тонкой струйкой потекла вода. Она капала на плечо, на рубашку, и там, куда она попадала, ткань темнела, плавилась, обнажая под ней кожу. Кожа была белой. Слишком белой. Без единой поры.

— Не кричи, — сказал он. — Крики не помогут. Он уже в тебе. Я вижу.

Он поднял руку и указал пальцем на её правое плечо. Настя посмотрела вниз. Сквозь мокрую пижаму она видела, как чёрная нить под кожей достигла ключицы и остановилась. Но теперь рядом с ней проступала вторая, более тонкая, и она висела вокруг первой, как плещ вокруг ствола.

— Ты одна из нас, — сказал дядя Витя. — Ты просто не знала. Но он знал. Он тебя выбрал, когда ты ещё в животе у матери пила эту воду. Дон в твоей крови, Настя. Ты не можешь от него уйти.

Она хотела сказать, что это бред. Что она родилась в Ростове, да, но пила бутилированную воду, фильтрованную, кипячённую. Что она никогда не купалась в Дону, потому что боялась лептоспироза и грязных пляжей. Что она вообще не любила реку, считала её мутной и скучной.

Но слова застряли. Потому что она вдруг вспомнила: она пила. В пять лет, когда бабушка повела её на набережную и сказала: «Глотни, детка, это наша земля». Она зачерпнула ладошкой тёплую, мутную воду и выпила. И бабушка улыбнулась, обнажив свои серые зубы.

Настя не помнила этого раньше. Вообще не помнила. Но сейчас память развернулась в голове как киноплёнка — со звуком, с запахом, с ощущением тины на языке.

Она сглотнула. В горле пересохло.

— Чего он хочет? — спросила она тихо.

Дядя Витя улыбнулся. И в этой улыбке она увидела то же самое, что видела на своём отражении в оконном стекле — уголки губ тянутся вверх, но кожа вокруг них трескается, как засохшая глина.

— Он хочет, чтобы мы вспомнили, — сказал он. — Мы забыли, кто мы. Мы забыли, что мы часть его. Он спал, а мы бродили по земле как слепые. Теперь он проснулся. И он зовёт нас домой.

— Домой? — переспросила Настя, и голос её предательски дрогнул. — Домой — это куда? В реку?

— Глубже, — сказал дядя Витя. — Намного глубже. Там, где нет света и нет времени. Там, где мы всегда были. Мы вернёмся в воду, Настя. Мы станем водой.

Он шагнул ещё раз. Теперь он стоял прямо перед ней, и она чувствовала его дыхание — влажное, тёплое, пахнущее той же мятой и старой монетой. Но сквозь этот запах пробивался другой, тошнотворно-сладкий запах разложения. Она посмотрела на его руки. Пальцы были разбухшими, белыми, как у утопленника, и ногти на них стали серыми, почти прозрачными, как рыба чешуя.

— Ты пойдёшь с нами, — сказал он. — Ты уже идёшь. Просто не знаешь.

Он протянул руку, чтобы коснуться её щеки. И в этот момент Настя сделала то, что сделал бы любой человек, у которого внутри нет ни капли сверхъестественного, а есть только чистый, животный страх.

Она ударила его.

Не кулаком — всем телом, плечом, оттолкнувшись от стены. Она врезалась в него с такой силой, что он пошатнулся, и в этом столкновении она почувствовала, что его тело не твёрдое, не мягкое — оно было вязким, как студень. Её плечо на секунду провалилось в его грудь, и она ощутила, как под робой плещется вода.

Она отскочила и побежала.

Вперёд, между гаражами, мимо ржавых ворот, мимо брошенных покрышек, мимо пустых бутылок и мокрых окурков. Ноги скользили по мокрому асфальту, и она слышала за спиной звук — не шаги, а плеск. Тяжёлый, ритмичный, похожий на удары весла по воде.

Она выбежала из гаражного кооператива на пустырь. Здесь было пусто — только серая трава, битое стекло и бетонные плиты, оставшиеся от недостроя. И вода. Вода стояла везде — не слоем, а отдельными лужами, странно вытянутыми, как те, что она видела во дворе. Они тянулись к Дону, как пальцы, и в каждой из них отражалось небо. Но небо было неправильным. В лужах оно было чёрным, с алыми прожилками.

Настя остановилась, согнулась пополам, восстанавливая дыхание. Лёгкие горели. Она подняла голову и посмотрела в сторону реки.

Водяная стена стояла на месте. Но теперь она была ближе. Она выросла — высотой с пятиэтажку, и в её толще двигались тени. Их стало больше. Они кружились, переплетались, и в центре, в самой гуще, Настя увидела что-то светлое. Не лицо. Не тело. Просто свет — холодный, голубоватый, пульсирующий в ритм колокола.

Она не хотела смотреть. Она зажмурилась. Но за веками свет не исчез — он стал ярче, и в нём, как в рентгеновском снимке, она увидела собственные кости. Череп, рёбра, позвонки. И вдоль позвоночника, вместо спинного мозга, текла чёрная нить, пульсирующая, живая.

Она открыла глаза и выдохнула. Пар вырвался изо рта белым облаком — хотя на улице было плюс пятнадцать.

— Это не я, — прошептала она. — Это не моё тело. Это не мои мысли.

Но она понимала, что врёт. Мысли были её. Просто теперь к ним примешивались другие — чужие, древние, тягучие, как вода. Они текли в голове, оставляя после себя ощущение, будто она вспоминает то, чего никогда не знала.

Она вспомнила дно. Она стояла на нём, и ил касался её ступней, тёплый, скользкий. Вокруг было темно, но темнота была уютной, как материнская утроба. И в этой темноте она слышала голоса — миллионы голосов, все они говорили на одном языке, и этот язык был её родным. Она не знала его, но понимала каждое слово.

«Останься», — говорили голоса. «Останься с нами. Здесь хорошо. Здесь тихо».

Настя открыла глаза. Она стояла на коленях на мокрой траве, и руки её были погружены в лужу по запястья. Она не помнила, как оказалась на коленях. Она не помнила, когда опустила руки в воду. Но вода была тёплой. И в ней, на дне этой маленькой, грязной лужи, она видела тот же голубоватый свет.

Она выдернула руки. Вода брызнула во все стороны, и с пальцев, с кончиков, сорвались капли, которые не упали обратно, а повисли в воздухе на секунду, вращаясь, прежде чем исчезнуть с тихим звоном.

Настя посмотрела на свои руки. Под левой, там, где проступала вторая нить, кожа начала шелушиться. Тонкие, прозрачные чешуйки отслаивались от запястья, обнажая под собой новую кожу — серую, гладкую, без пор и волосков.

Она замерла.

— Нет, — сказала она шёпотом. — Я не хочу. Я не хочу становиться водой.

И в ответ, из лужи, из капель, из ветра, из воздуха, раздался тот же низкий голос, что звучал в её затылке.

«Ты уже стала. Просто не закончила».

Настя вскочила. Она бросилась бежать к городу — к проспекту, к людям, к светофорам и магазинам. Она бежала по пустырю, спотыкаясь о бетонные плиты, и ветер бил в лицо, но ветер был тёплым, влажным, как чужое дыхание.

Она выбежала на проспект Стачки.

И остановилась.

Проспект был пуст. Ни одной машины. Ни одного человека. Только мокрый асфальт, лужи, и в каждой луже — отражение чёрного неба с алыми прожилками. Рекламные щиты горели, но на них не было картинок — только чёрные спирали, вращающиеся против часовой стрелки. Светофоры мигали жёлтым, но мигали не в ритм — каждый по-своему, создавая какофонию, от которой закладывало уши.

Настя прошла несколько шагов. Тишина стояла такая, что она слышала, как капли воды скатываются с листьев деревьев, как где-то далеко, за домами, бьётся колокол. Раз. Два. Три.

Она подошла к витрине аптеки. Стекло было целым, но внутри, за витриной, вместо лекарств стояли банки с водой. Мутной, маслянистой. И в каждой банке плавало что-то тёмное, извивающееся.

Она отвернулась. Пошла дальше. Ноги несли её к центру, к площади Карла Маркса, к старому цирку, к Дону. Она не управляла ими. Она просто шла, глядя под ноги, стараясь не смотреть в лужи.

Но они были везде.

И в каждой — её лицо. Улыбающееся, с серыми зубами, с чёрными глазами. И каждый раз она делала вид, что не видит.

На углу проспекта и переулка она наткнулась на тело. Женщина лет сорока в халате, с мокрыми волосами, лежала на асфальте, раскинув руки, и улыбалась. Глаза её были открыты, но зрачки исчезли — вместо них была та же чёрная гладь, что и в лужах. Из-под её ногтей, из-под каждого ногтя, сочились вода. Тонкими струйками она стекала в канализационную решётку.

Настя опустилась на корточки. Потрогала плечо женщины. Кожа была холодной, мокрой, но под ней, в такт колоколу, бился пульс.

— Ты жива? — спросила Настя.

Женщина не ответила. Но её рот приоткрылся, и оттуда, из горла, вместо слов потекла вода. Она лилась на асфальт, образуя маленькую лужицу, и в этой лужице Настя увидела спираль. Она вращалась, затягивая в себя свет, в себя воздух, в себя время.

Настя отшатнулась. Она встала и побежала — не к городу, не к людям. Она побежала к общежитию. К своей комнате. К дневнику урядника. К той странице, где было стёртое слово.

Она вбежала во двор. Вода здесь стояла по щиколотку — тёплая, маслянистая, с запахом мяты и монет. Она поднялась на крыльцо, толкнула дверь, вбежала в коридор.

Вода стояла здесь по колено. Настя шла, разгребая её руками, и чувствовала, как что-то скользкое касается её ног, щиколоток, коленей.

Она влетела в свою комнату.

Дневник лежал на столе. Страница тринадцать была раскрыта. Но теперь слово не было стёртым. Оно проступило чётко, тёмными чернилами, которые ещё не высохли.

Настя прочитала его вслух. Одно слово, которое она искала всё утро.

— Колыбель, — прошептала она.

И в этот момент пол под её ногами разверзся. Вода хлынула вниз, затягивая её с собой. Настя вскрикнула, но крик утонул в плеске. Она падала сквозь дерево, сквозь бетон, сквозь ил — вниз, в темноту, где пульсировал голубой свет.

Она падала в колыбель.

И в последний момент, прежде чем тьма сомкнулась над её головой, она услышала голос. Тот самый. Из воды. Из дна. Из самой сердцевины Ростова-на-Дону.

«Семь, — сказал он. — Ты слышала. Семь. Начинай считать».

И Настя посчитала. Шёпотом, сквозь воду, сквозь страх, сквозь всё, что она знала о себе.

Один.

А над поверхностью Дона колокол ударил снова. И в этом ударе было что-то похожее на смех. Старый, как река, как город, как сама русская земля, на которой спало чужое и ждало своего часа.

И час настал.

Глава 4

Она падала.

И в этом падении не было ни ветра, ни скорости, ни страха. Была только вода. Она обтекала тело, проникала в уши, в ноздри, под веки, и Настя чувствовала, как её лёгкие наполняются не воздухом, а чем-то тёплым, густым, похожим на молоко. Она не задыхалась. Она дышала этой жидкостью, и каждый вдох отдавался в груди глухим, пульсирующим эхом.

Вокруг была темнота. Но не та темнота, которую можно закрыть глазами. Эта темнота была живой — она двигалась, дышала, касалась кожи сотнями невидимых пальцев. И Настя чувствовала, как эти пальцы гладят её лицо, её волосы, её плечи, как они ощупывают каждый сантиметр тела, запоминая, привыкая, вбирая.

Она открыла глаза. Вода не жгла их, не щипала. Она обволакивала глазные яблоки мягкой, тёплой пеленой, и сквозь эту пелену Настя видела. Не чётко, не ясно — как сквозь матовое стекло. Но она видела.

Внизу, в глубине, горел голубой свет. Он пульсировал в такт её сердцу, и каждый удар отзывался в груди болью — не острой, не резкой, а ноющей, тягучей, как зубная. Она тянулась к этому свету, и её тело не сопротивлялось. Оно само плыло вниз, вытягиваясь, становясь длиннее, тоньше, гибче.

Она смотрела на свои руки. Кожа на них была серой, гладкой, и сквозь неё просвечивали тёмные нити — не две, а уже пять, они переплетались, образуя на предплечьях узоры, похожие на вязь. Она пошевелила пальцами. Движения были плавными, текучими, и между пальцами, там, где раньше были перепонки, теперь натянулась тонкая, полупрозрачная плёнка.

Настя хотела испугаться. Но страх не приходил. Вместо него в груди разливалось спокойствие — тёплое, как та вода, что окружала её. Она закрыла глаза и позволила себе плыть.

Голубой свет рос. Он заполнял собой пространство, и в его сиянии Настя начала различать формы. Стены. Не из камня, не из бетона — из чего-то похожего на коралл, но тёмного, почти чёрного, с миллионами пор, из которых сочились тонкие струйки воды. Пол был устлан чем-то мягким, напоминающим мох, но мох этот пульсировал, дышал, и каждый его вздох поднимал со дна облачка ила.

Она опустилась на это дно. Ноги коснулись мха, и он сжался под ними, как живая губка, выпуская из себя тёплую воду. Настя стояла на ногах, хотя гравитация здесь была другой, более вязкой, и каждое движение требовало усилия, как в густом киселе.

Она огляделась.

Она стояла в огромном зале. Своды уходили вверх, в темноту, и там, наверху, мерцали огоньки — похожие на светлячков, но размером с человеческую голову. Они кружились медленно, ритмично, оставляя за собой шлейфы голубого света. Стены были покрыты барельефами. Настя подошла к одному из них, провела рукой по поверхности. Пальцы ощутили холод

— первый холод с тех пор, как она упала в воду. И этот холод был приятным, как прикосновение к стеклу в летний зной.

Барельеф изображал город. Ростов. Она узнала очертания — мосты, собор, старый цирк, аэропорт. Но город был перевернут. Он висел вниз головой, и над ним, вместо неба, плескалась вода. А в центре, там, где на карте обычно рисовали Дон, была пустота. Чёрная, глубокая, бездонная.

Настя отступила. Она обернулась, ища выход, и увидела его — проход в стене, высокий, узкий, похожий на расщелину. Из него тянуло теплом и запахом старой монеты. Она пошла туда, ступая босиком по пульсирующему мху, и каждый шаг отдавался в пятках мягким, влажным хлопанием.

Проход сужался. Сначала она могла идти прямо, потом пришлось наклонить голову, потом согнуться почти вдвое. Стены смыкались вокруг неё, и она чувствовала, как они касаются её плеч, её спины, её бёдер. Это прикосновение было нежным, почти любящим, и в нём не было угрозы.

Она вышла в другую комнату. Меньшую, чем зал, но более освещённую. Голубой свет здесь струился с потолка — тонкими, прозрачными нитями, которые падали вниз, в небольшой бассейн. И в этом бассейне, по пояс в воде, стояла Алина.

— Настя, — сказала Алина. Голос её был нормальным, человеческим, без той низкой ноты, что звучала в голосе дяди Вити. — Ты пришла.

Настя шагнула к бассейну. Вода в нём была не мутной, а кристально чистой, и на дне, выложенном гладкой чёрной галькой, она видела своё отражение. Но отражение было неправильным — оно улыбалось, и в той улыбке было целых три ряда зубов, серых, гладких, похожих на речную гальку.

Она отвела взгляд.

— Алина, что это? — спросила она. Голос дрожал, и в этой дрожи Настя снова почувствовала себя собой. Не той, серой, улыбающейся, а Настей-студенткой, которая боится темноты и спит с ночником. — Где мы? Мы утонули?

Алина покачала головой. Её волосы, обычно короткие и светлые, теперь были длинными, тёмными, почти чёрными, и они струились по плечам, облепляя тело, как водоросли.

— Мы не утонули, — сказала она. — Мы родились. Здесь. Заново.

Она подошла к краю бассейна. Вода стекала с её тела, но не капала на пол, а возвращалась обратно, в бассейн, будто её кожа была водоотталкивающей. Настя заметила, что на лице Алины нет ни одной поры. Оно было гладким, как фарфор, и глаза её — раньше карие, смешливые — теперь были чёрными, без белков, без зрачков. Просто две бездны, в которых плавали голубые искры.

— Ты чувствуешь, да? — спросила Алина, наклоняя голову. — Уже чувствуешь. Он в тебе. Он зовёт. И ты идёшь.

Настя попятилась. Спина упёрлась в стену, и стена была тёплой, влажной, и под её ладонями она чувствовала, как по камню течёт пульс.

— Я не хочу быть частью этого, — сказала она. — Я хочу вернуться. Я хочу домой.

Алина улыбнулась. Улыбка была мягкой, сочувствующей, почти материнской.

— Домой, — повторила она. — Настя, ты дома. Ты всегда была дома. Ты просто не помнила.

Она шагнула вперёд, выходя из бассейна, и подошла к Насте вплотную. Они стояли друг напротив друга — Настя, всё ещё в мокрой пижаме, с серой, шелушащейся кожей на руках, и Алина, гладкая, тёмная, пахнувшая рекой.

— Помнишь, как в детстве ты любила сидеть на набережной? — спросила Алина. — Помнишь, как смотрела на воду, и тебе казалось, что там, в глубине, кто-то есть? Помнишь, как ты просыпалась по ночам оттого, что тебе снился колокол?

Настя замерла. Это были её собственные воспоминания. Она никогда никому о них не рассказывала. Даже маме. Но Алина знала.

— Откуда ты знаешь? — прошептала Настя.

— Он рассказал, — ответила Алина. — Он знает всех нас. Он ждал нас. Столетия. Тысячелетия. Он ждал, пока мы построим этот город на его спине. Пока мы напьёмся его воды. И теперь мы вернёмся в него.

Она протянула руку и коснулась щеки Насти. Пальцы были тёплыми, влажными, и в их прикосновении не было ничего страшного. Наоборот — они успокаивали, снимали боль, забирали страх.

— Закрой глаза, — сказала Алина. — Просто закрой. Послушай.

Настя закрыла. И услышала.

Сначала шум воды — далёкий, мерный, как дыхание океана. Потом голоса — миллионы голосов, все они говорили на одном языке, и этот язык был в ней самой, в каждой клетке. Потом колокол — низкий, тягучий, он бил где-то совсем рядом, и каждый удар отзывался в её груди, в её животе, в её позвоночнике.

А потом она услышала пение. Это был голос из капсулы. Из дна. Из самой сердцевины Ростова. Он пел не словами — он пел намерениями, желаниями, образами. И в этом пении она увидела всё.

Она увидела, как миллионы лет назад нечто огромное упало на землю. Не с неба — из-под неба, из того пространства, где времени не существует. Оно врезалось в равнину, проломило кору, и в том проломе образовалась впадина. Потом пришла вода, и она заполнила впадину, и с

тех пор оно спало. Спало, питаясь рекой, питаясь землёй, питаясь людьми, что строили города на его берегах. Оно не было злым. Оно было голодным. И оно было одиноким.

«Я зову, — сказал голос. — Я зову вас домой. В воду. В тишину. В меня».

Настя открыла глаза. Слёзы текли по её щекам, но это были не слёзы боли — это была просто вода, она выходила из неё, освобождая место для чего-то нового.

— Что я должна делать? — спросила она.

Алина улыбнулась. И в этой улыбке Настя увидела нечто странное — она видела саму себя, только старше, мудрее, и в то же время более древней, чем земля.

— Ничего, — сказала Алина. — Просто слушай. Просто плыви. Просто стань.

Она шагнула назад, в бассейн, и вода сомкнулась над её головой. Настя стояла одна в комнате, где с потолка падали голубые нити, и смотрела на свои руки. Под кожей, на всей длине рук, теперь было не пять нитей, а десять. И они не ползли — они танцевали. Они вырисовывали на её коже узоры, символы, похожие на те, что были на барельефах в зале.

Настя почувствовала, как её ноги сами несут её к бассейну. Она вошла в воду. Она была тёплой, плотной, как молоко. Она опустила в неё по колено, по пояс, по грудь. Вода поднималась, касаясь подбородка, губ, ноздрей.

Она не сопротивлялась.

Она сделала вдох.

Вода хлынула внутрь, заполняя лёгкие, и вместе с ней внутрь хлынул голос. Голос был чистым, ясным, и в нём не было ни боли, ни злобы. В нём было только обещание.

«Ты станешь частью меня, — сказал он. — Ты станешь водой. Ты станешь голосом. Ты станешь колыбелью для тех, кто придёт следом».

Настя открыла глаза под водой. Она смотрела на голубой свет, который струился сверху, и видела в нём лица. Сотни лиц — знакомых и незнакомых. Студенты из её общежития. Соседи. Преподаватели. Продавщицы из магазинов. Люди, которых она видела раз в жизни, но которые теперь были здесь, под водой, рядом с ней.

Они все улыбались. Их зубы были серыми, их глаза — чёрными, но в их улыбках не было угрозы. Было ожидание.

«Семь дней, — сказал голос. — Семь дней до того, как колокола зазвонят в унисон. Но для тебя — только три. Три дня, чтобы закончить путь».

Настя хотела спросить, какой путь. Она хотела спросить, почему три, а не семь. Но слова не шли. Вода заполнила её рот, и вместо слов из неё вырвались пузырьки воздуха, которые не поднялись вверх, а ушли вниз, в темноту, к чему-то огромному, что ждало там, на самом дне.

Голос стих. Остался только свет — пульсирующий, ритмичный, как сердцебиение.

Настя закрыла глаза. Она чувствовала, как её кожа становится гладкой, как вода проникает в каждую клетку, как её тело меняется, как она перестаёт быть Настей и становится частью чего-то большего. Частью голоса. Частью колыбели. Частью Дона, который никогда не был просто рекой.

Она открыла глаза.

Вода вокруг неё потемнела. Свет погас. И в этой новой темноте она увидела две точки. Глаза. Не чёрные, не человеческие. Они были голубыми, как лед, и в них не было ничего, кроме пустоты.

«Ты готова?» — спросили глаза.

И Настя, сама не зная зачем, кивнула.

Вода вокруг неё сжалась. Она стала плотной, почти твёрдой. И Настя почувствовала, как её тело сдавливает, как её лёгкие сжимаются, как воздух внутри неё растворяется в воде.

Она переставала быть.

Она становилась.

А наверху, над поверхностью Дона, колокол ударил четыре раза. И каждый удар был тише предыдущего, потому что город, лежащий вокруг, превращался в эхо.

В эхо голоса, что спал на дне.

И ждал.

Глава 5

Она открыла глаза.

Над ней было небо. Серое, низкое, с рваными краями туч, похожих на старые бинты. Оно нависало тяжестью, и в этом небе не было ни солнца, ни ветра, ни движения. Только неподвижная, влажная вата, которая давила на зрачки, заставляя их слезиться.

Настя лежала на спине. Под ней было мягко, сыро, и она чувствовала, как что-то влажное касается её голой кожи. Она опустила глаза. Она лежала на траве, у самой кромки воды. Дон был рядом — серый, гладкий, как лист жести, и в нём не отражалось небо. В нём отражалась только тьма.

Она села. Голова закружилась, и в ушах зазвенело — высоко, тонко, как комариный писк. Она поднесла руку к виску и замерла. Рука была белой. Не серой, не гладкой — нормальной, человеческой, с голубыми венами под тонкой кожей. Она повернула ладонь. Нитей не было. Никаких. Кожа была чистой, обычной, с мелкими царапинами от старых кошачьих когтей.

Настя выдохнула. Так сильно, что заболела грудная клетка.

— Сон, — сказала она шёпотом. — Это был просто сон. Чёртов, долбаный сон.

Она встала. Ноги подкашивались, но она удержалась, ухватившись за ствол старого тополя, росшего у воды. Кора была шершавой, сухой, и это прикосновение было реальным. Настоящим. Человеческим.

Она посмотрела на город.

Ростов стоял на месте. Обычный, серый, с домами-коробками, с рекламными щитами, с мокрым асфальтом. Машины ездили. Люди шли по тротуарам, кто-то с зонтами, кто-то без. Светофоры мигали зелёным. На остановке стояла толпа с мобильниками.

Настя несколько раз моргнула. Она стояла на набережной. В той самой точке, где обычно сидела в детстве. Но набережная была пустой, хотя в пятидесяти метрах отсюда проспект гудел жизнью. Здесь, у воды, не было никого. Только она, тополь и серый Дон.

Она потрогала своё лицо. Нормальное. Сухое. Пижама на ней была сухой и тёплой — розовая, с медвежатами. Те же шлёпанцы на ногах, но сухие, без следов воды.

«Ты просто переутомилась, — сказала она себе. — Экзамены. Архивы. Этот чёртов дневник. У тебя была галлюцинация. Истерика. На нервной почве».

Она повернулась и пошла в сторону общежития. Каждый шаг давался с трудом — ноги были ватными, и в коленях что-то хрустело, как старая дверная петля. Она прошла мимо гаражей. Они были обычными — ржавыми, старыми, с замёрзшими лужами у ворот. Дядя Витя стоял у своего бокса, копался в моторе, и когда она проходила мимо, он поднял голову.

— Привет, соседка, — сказал он обычным голосом. — Чего такая бледная?

Настя остановилась. Сердце пропустило удар.

— Дядя Витя, — выдавила она. — Вы... вы в порядке?

Он улыбнулся. Широко, добродушно. Зубы были жёлтыми от табака, но нормальными, человеческими. Глаза — голубыми, с белками.

— А чего мне сделается? — усмехнулся он. — Ты лучше скажи, у тебя лицо как у покойницы. Водки выпить не хочешь? Согреешься.

Она помотала головой и пошла дальше, ускоряя шаг. В груди колотилось, и каждый удар отдавался в висках тупой, ноющей болью.

Общежитие встретило её запахом борща и хлора. В коридоре было сухо. Полы намыты. На вешалке висели чужие куртки. Всё было нормально. Она поднялась на второй этаж, вошла в свою комнату.

На столе лежал дневник урядника. Закрытый. Ровно посередине, как она его и оставляла вчера. Рядом — телефон, с целым экраном, без единой трещины.

Настя села на стул. Руки дрожали, и она сжала их в кулаки, вдавливая ногти в ладони. Боль была острой, настоящей.

— Это был сон, — повторила она, глядя на дневник. — Просто очень реалистичный сон.

Она открыла дневник. Страница тринадцать. Текст был старым, выцветшим, и слово «колыбель» не проступало на нём. Вместо него — стёртое пятно, которое она видела вчера.

Она выдохнула с облегчением, откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

И тут она услышала звон.

Тихий, далёкий, похожий на удар по стеклу. Она открыла глаза и огляделась. Комната была пуста. Из коридора доносился смех соседок. С улицы — гудки машин. Всё как обычно.

Но звон не прекращался.

Она встала и подошла к окну. На улице, внизу, дети играли в футбол. Бабушка выгуливала таксу. Всё было мирно, обычно, скучно. Но за этим всем, за шумом города, она слышала звон. Он шёл откуда-то снизу, из-под земли, и в нём она узнала колокол.

«Я сплю, — сказала она себе. — Я всё ещё сплю. Это просто продолжение кошмара».

Она ущипнула себя за руку. До крови. Боль была острой, реальной, и капелька крови выступила на коже, алая, густая.

— Проснись, — прошептала она. — Настя, проснись уже.

Звон стих.

Она стояла у окна, глядя на серое небо, и в груди медленно разливалось спокойствие. Это была не её эмоция. Она чувствовала, как кто-то другой, глубоко внутри неё, успокаивает её, гладит по мыслям, шепчет: «Всё хорошо. Всё правильно. Ты дома».

Она отошла от окна. Подошла к столу. Посмотрела на дневник.

И увидела, что страница тринадцать теперь не просто стёртая. На ней, на том месте, где раньше было пятно, появился отпечаток пальца. Мокрый. И он не высыхал.

Настя отшатнулась. Стул упал с грохотом, и она оступилась, ударилась бедром о край стола. Боль вспыхнула, но она её почти не заметила. Она смотрела на отпечаток. Он пульсировал, тёк, и по краям его, в тонких дорожках, проступала чёрная вязь.

Она выбежала из комнаты. В коридоре никого не было. Она постучала в дверь Алины — никто не ответил. Она толкнула дверь — та была заперта. Но под дверью, из щели, сочилась вода. Тонкая, блестящая струйка. Она стекала по линолеуму, собираясь в лужицу на полу.

Настя отступила. Она повернулась и побежала к выходу, вниз по лестнице, в вестибюль. Там сидела вахтёрша, тётя Галя, с вязанием в руках.

— Настя, ты чего? — спросила она, поднимая голову. — Вся красная как рак.

— Тётя Галя, — выдохнула Настя, опираясь о стойку. — Вода. Из-под двери Алины вода течёт. Там что-то случилось.

Вахтёрша нахмурилась, отложила вязание и медленно поднялась.

— Какая вода? — спросила она. — Ты чего выдумываешь? Я только полы мыла, всё сухо.

— Я видела, — сказала Настя. — Пожалуйста, пойдёмте, проверьте.

Тётя Галя вздохнула, взяла ключи и пошла за ней. На втором этаже она остановилась у двери Алины, приложила ухо, постучала. Тишина. Она вставила ключ в замок, повернула.

Дверь открылась.

Комната Алины была сухой. Чистой. Аккуратно заправленная кровать, учебники на столе, цветы на подоконнике. Никакой воды. Никаких следов. И сама Алина сидела за столом, пила кофе и читала книгу.

— Настя? — подняла она голову. — Ты чего? Стучишься как сумасшедшая.

Настя смотрела на неё, не веря своим глазам. Алина была обычной. Волосы короткие, светлые. Глаза карие, смешливые. Кожа нормальная, с лёгким румянцем.

— У тебя... — начала Настя. — У тебя из-под двери вода текла. Я видела.

Алина пожала плечами.

— Ты перегрелась, подруга. Или перепила. Я даже в туалет не выходила с утра. Сижу, читаю.

Настя стояла в дверях, не в силах сказать ни слова. Тётя Галя похмыкала, покачала головой и пошла обратно, бормоча что-то про молодёжь и её фантазии.

Алина подошла к Насте, обняла её за плечи.

— Ты вся дрожишь, — сказала она тихо. — Что случилось? Рассказывай.

Настя открыла рот. И в этот момент она увидела. За спиной Алины, на стене, на белых обоях, проступил рисунок. Спираль. Чёрная, пульсирующая, медленно вращающаяся.

Настя отшатнулась. Она прижалась спиной к дверному косяку и покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Ты не Алина. Ты не настоящая.

Алина улыбнулась. Улыбка была тёплой, заботливой, но в глазах её промелькнула тень — знакомая, ледяная, бездонная.

— Конечно настоящая, — сказала она. — Кто же ещё? Просто у тебя был сон. Плохой сон. Ты устала.

Она шагнула вперёд, протягивая руки. И Настя увидела, как на её запястье, под кожей, проступает чёрная нить. Тонкая, едва заметная, но она была там. Она пульсировала в такт колоколу, который Настя слышала внутри себя.

Настя оттолкнула её руки и выбежала из комнаты. Она бежала по коридору, по лестнице, на улицу. Она бежала к набережной, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, вставая.

Она добежала до Дона и упала на колени у самой воды.

Река была неподвижной. Серой. Обычной. Но в её глубине, на самом дне, Настя видела голубой свет. Он горел там, пульсировал, звал.

«Ты не спишь, — сказал голос внутри неё. — Ты никогда не спала. Ты просто не хотела видеть. Но теперь ты видишь».

Настя поднесла руки к лицу. Они дрожали. Кожа на них была бледной, но под ней, на запястьях, проступали едва заметные тёмные линии. Они были почти прозрачными, почти невидимыми, но они были.

Она сунула руки в воду. Холод обжёг кожу. Но когда она вытащила их, линии исчезли. Они были видны только на воздухе.

«Ты становишься прозрачной, — сказал голос. — Ты перестаёшь быть собой. Ты становишься мной».

Настя встала, пошатываясь. Она посмотрела на город. На обычный, серый, будничный Ростов. На людей, которые шли по улицам, не зная, что под их ногами, в толще земли и воды, спит нечто древнее, голодное и одинокое.

Она посмотрела на свои руки. Линии проступили ярче. Теперь они были чёткими, чёрными, и они ползли вверх, к локтям. Как тогда. Как во сне.

«Три дня, — сказал голос. — У тебя три дня, чтобы выбрать. Стать частью меня или исчезнуть. Других вариантов нет».

Настя закрыла глаза. В темноте под веками она видела голубой свет, лица, колокол, реку. И она понимала, что этот выбор уже сделан. Не ею. Тем, кто был внутри неё.

Она открыла глаза и сделала шаг к воде. Дон лежал перед ней, тёмный и глубокий.

И в нём, в самой сердцевине, ждал голос.

Она шагнула в воду. Холод обжёг ступни.

Она шагнула второй раз. Вода дошла до щиколоток.

Она шагнула третий раз. До колен.

И в этот момент её телефон, лежащий в кармане пижамы, завибрировал. Она достала его. На экране горело сообщение от мамы.

«Дочка, ты где? У нас всё затопило. Вода из крана чёрная. Мы не знаем, что делать. Помоги».

Настя замерла. Она стояла в холодной воде Дона, смотрела на экран и чувствовала, как внутри неё борются два голоса. Один — её собственный, напуганный, человеческий. Другой — чужой, тёплый, обещающий вечный покой.

Она поднесла телефон к губам.

— Я помогу, — прошептала она. — Я всё исправлю.

Она вышла из воды. Ноги были мокрыми, холодными, но она не чувствовала холода. Она чувствовала только решение.

«Ты выбрала», — сказал голос внутри.

— Нет, — ответила Настя вслух. — Я ещё ничего не выбрала. Я просто хочу спасти маму.

«Она уже часть меня», — сказал голос.

Настя остановилась. В груди заныло — глухо, тупо, как от удара.

— Что ты сделал с моей мамой?

«Ничего, — ответил голос. — Я просто позвал её. И она ответила. Она пила эту воду всю жизнь. Она всегда была моей. Как и ты».

Настя сжала телефон в кулаке. Она повернулась лицом к Дону, к серой глади, под которой скрывалось всё.

— Я найду тебя, — сказала она. — Я спущусь к тебе. И я уничтожу тебя.

В ответ раздался смех. Глухой, подводный, идущий из самой бездны.

«Приходи, — сказал он. — Я жду. Я всегда ждал только тебя».

Настя убрала телефон в карман и пошла в сторону города. В сторону мамы. В сторону своего страха.

Она не знала, что делать. Но знала, что должна. Она выберет.

Но выбор этот будет стоить ей всего.

И колокол над Доном ударил пять раз. И в каждом ударе слышалось эхо её имени.

Глава 6

Она шла по проспекту, и город вокруг неё был городом-призраком.

Не в том смысле, что он опустел — люди были везде. Они выходили из магазинов, переходили дороги, стояли на остановках. Они разговаривали, смеялись, ругались. Они жили. Но Настя видела то, чего не видели они. Она видела тонкие чёрные нити, которые тянулись от каждого человека к земле, к воде, к тому, что спало внизу. Они были почти невидимыми на солнечном свету, но стоило кому-то пройти мимо лужи — и в отражении нити становились яркими, пульсирующими, как вены на обнажённом сердце.

Она шла, и каждый шаг отдавался в висках глухой болью. Ноги не слушались — они двигались сами, неся её в сторону Западного, к маминому дому. Она не помнила, как пересекла мост, как прошла мимо цирка, как свернула в знакомый двор. Она просто шла, глядя под ноги, стараясь не смотреть в лужи, потому что в каждой из них её лицо улыбалось с чёрными глазами.

Мамин дом был старой пятиэтажкой с облупившейся штукатуркой и вечными лужами у подъезда. Настя поднялась на третий этаж по лестнице, которая пахла кошками и сыростью. Вода здесь уже была — она сочилась из-под дверей соседей, стекала по стенам тонкими ручейками, собиралась в лужи на площадке. Но соседи не выходили. За дверями было тихо — слишком тихо, даже для будничного утра.

Она остановилась перед маминой дверью. Той самой, с ободранной краской и наклейкой «Не курить». Из-под двери текла вода. Она была мутной, маслянистой, и в ней плавали тонкие тёмные нити.

Настя поднесла руку к звонку. Палец дрожал. Она нажала — и услышала внутри, за дверью, тот же низкий гул, что звучал в её голове. Это не был звонок. Это был колокол.

Дверь открылась сама. Без скрипа, без звука — просто отошла в сторону, и Настя шагнула в прихожую.

Вода стояла по щиколотку. Тёплая, как ванная, пахнущая мятой и старым железом. В прихожей было темно, но сквозь полумрак Настя видела, что стены покрыты той же чёрной вязью, что и в барельефах под водой. Узоры пульсировали, двигались, сворачивались в спирали, и в центре каждой спирали горел крошечный голубой огонёк.

— Мама? — позвала Настя. Голос сорвался, и эхо разнеслось по коридору, отражаясь от мокрых стен.

Из глубины квартиры, из кухни, раздался шорох. Мокрый, тягучий, похожий на шелест водорослей.

Настя сняла шлёпанцы. Босые ноги коснулись воды, и она вздрогнула — не от холода, от ощущения, что вода касается её не как жидкость, а как живое существо. Она обхватывала ступни, щикотала пальцы, и в этом прикосновении не было зла — было только любопытство.

Она прошла в кухню.

Мама сидела за столом. Там же, где всегда, пила чай из той же кружки с треснувшим ободком, которую Настя помнила с детства. На ней был её любимый халат — синий, в белый горошек. Волосы аккуратно собраны в пучок.

Но кружка была пуста. И вместо чая из неё на стол капала вода.

— Мам, — сказала Настя, и голос её дрогнул. — Мам, ты как?

Мама подняла голову. Лицо её было серым, глаза — тёмными, без белков, и в этой темноте плавали голубые искры. Она улыбнулась, и Настя увидела, что зубы у неё стали серыми, гладкими, как речная галька.

— Доченька, — сказала мама. Голос был её, родной, с той же тёплой хрипотцой. — Ты пришла. Я знала, что ты придёшь.

Настя шагнула к ней. Вода под ногами плеснула, и она почувствовала, как что-то скользкое коснулось её лодыжки. Она не обернулась.

— Мам, что с тобой? — спросила она, опускаясь на корточки перед мамой, заглядывая в её тёмные глаза. — Что он с тобой сделал?

Мама наклонила голову. Волосы упали на лицо, и Настя увидела, что они стали длинными, тёмными, влажными — как у Алины под водой.

— Он ничего не делал, — сказала мама. — Он просто позвал. И я вспомнила. Всё вспомнила.

Она протянула руку и коснулась щеки Насти. Пальцы были тёплыми, влажными, и от их прикосновения по коже побежали мурашки.

— Мы всегда были частью его, дочка. Мы просто забыли. Но теперь он проснулся. И он зовёт нас домой.

Настя закрыла глаза. Она чувствовала, как внутри неё, где-то глубоко в груди, отзывается этот голос — тёплый, убаюкивающий, обещающий покой и тишину.

— Я не хочу домой, — прошептала она. — Я хочу, чтобы ты была человеком. Я хочу, чтобы мы жили обычной жизнью.

Мама улыбнулась. Улыбка была мягкой, доброй, и в ней не было ни капли той пустоты, что Настя видела на лице дяди Вити.

— Но мы и так живём, — сказала мама. — Мы просто живём глубже. И дольше. Он дарует нам вечность, Настя. Вечность в воде. Вечность в покое.

Она встала из-за стола. Вода хлопнула под её ногами, и Настя увидела, что ступни мамы стали серыми, гладкими, без единой морщинки. Она подошла к окну и отодвинула занавеску.

За окном был Дон. Он поднялся до второго этажа и стоял там, вертикальной стеной, и в его толще двигались тени. Они кружились, переплетались, и в центре, в той же голубой пульсации, Настя увидела своё отражение. Она стояла в воде по пояс, с чёрными глазами, с серыми зубами, и улыбалась.

— Видишь? — сказала мама. — Он ждёт нас. Всех нас.

Настя отвернулась от окна. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль была острой, реальной, и она вцепилась в эту боль, как в якорь.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Я не пойду. Я найду способ его остановить. Я не позволю ему забрать тебя.

Мама повернулась к ней. В её тёмных глазах промелькнула искра — не голубая, а человеческая, та самая, которую Настя помнила с детства.

— Ты не сможешь, — сказала мама, и голос её дрогнул. — Он слишком сильный. Он древний. Он был здесь до нас. Он будет после нас.

— Я попробую, — сказала Настя. — Я не могу просто сдаться.

Мама подошла к ней. Она обняла её, и Настя почувствовала, как влажная ткань халата прикасается к её щеке, как руки мамы — тёплые, родные — сжимают её плечи.

— Тогда иди, — прошептала мама. — Иди и найди его. Но будь осторожна. Он не злой, Настя. Он просто голодный. И он хочет, чтобы мы разделили его одиночество.

Она отстранилась. И в этот момент Настя увидела, что на шее мамы, прямо на горле, пульсирует чёрная нить. Она была толстой, плотной, и в ней, как в сосуде, текла та же голубоватая жидкость.

— Мам, — сказала Настя. — Ты ещё можешь выбраться. Мы можем вместе уйти отсюда.

Мама покачала головой. И в этом движении было что-то чужое, нечеловеческое — слишком плавное, слишком текучее.

— Я уже ушла, дочка, — сказала она. — Я ушла вчера. И я не вернусь. Но ты ещё можешь выбрать. Только поторопись. Осталось два дня.

Настя отступила. Она смотрела на маму, на её серое лицо, на чёрные глаза, на тёмную влажную кожу, и понимала, что части её мамы уже нет. Осталась только вода. И голос.

Она выбежала из квартиры. Вода хлюпала под ногами, и она слышала, как за спиной, из кухни, доносится тихий, мелодичный напев. Мама пела. Ту же песню, что пел чайник. Ту же, что пела вода в коридоре.

Настя бежала вниз по лестнице, и каждый шаг отдавался в груди болью. Она выбежала во двор, вдохнула сырой воздух, и в этот момент небо над ней развзлось.

Дождь. Он начался внезапно — не каплями, а стеной воды, плотной, тёплой, пахнущей рекой. Настя подняла лицо к небу, и капли забили в щёки, в веки, в губы. Они были маслянистыми на вкус, и в каждой капле она слышала тот же голос: «Иди. Иди к нам. Иди домой».

Она побежала. Не разбирая дороги, не глядя по сторонам. Она бежала к центру, к Дону, к тому месту, где начался этот кошмар. Она бежала, чтобы найти ответы.

Она выбежала на площадь Карла Маркса. И остановилась.

Площадь была залита водой. Она стояла по колено, и в этой воде плавали люди. Не мёртвые — живые. Они стояли, как статуи, и их лица были обращены к небу. Глаза их были закрыты, рты приоткрыты, и из их горла, из каждого, лилась вода. Она стекала по подбородкам, по шеем, по одежде, смешиваясь с дождём, с рекой, с тем, что было под землёй.

Настя узнала их. Студенты из её группы. Преподаватели. Соседи. Дядя Витя. Алина. И среди них — мама.

Она стояла в первом ряду, с поднятым лицом, и пела. Все они пели. И в этом пении Настя слышала тот самый колокол, только теперь он звучал не снаружи, а внутри неё.

Она хотела закричать. Но крик застрял в горле.

Вместо этого она услышала голос. Тот самый, из глубины. Он звучал громко, отчётливо, и в нём не было ни намёка на угрозу.

«Ты видишь их, Настя. Они уже часть меня. Все, кроме тебя. Ты последняя. Приди ко мне. Сделай шаг. И ты тоже станешь частью покоя».

Настя покачала головой. Она смотрела на маму, на Алину, на всех этих людей, которые стояли в воде с закрытыми глазами и пели, и в груди у неё что-то оборвалось.

— Нет, — сказала она. — Я не приду. Я найду тебя и уничтожу.

«Ты не можешь уничтожить то, что никогда не рождалось», — ответил голос. — «Я не существо, Настя. Я место. Я событие. Я дверь. И ты — ключ».

Она замерла.

— Что? — прошептала она.

«Ты не просто пила воду, Настя. Ты была создана для этого. Твоя мать зачала тебя в воде. На дне. В ту ночь, когда Дон разлился, и она упала в реку. Я коснулся её. И ты родилась уже моей. Ты — колыбель, Настя. Ты — врата. Когда ты шагнёшь в воду, я войду в этот мир полностью».

Настя опустилась на колени. Вода сомкнулась вокруг её талии, и она чувствовала, как она тёплая, как она обнимает её, как она зовёт.

Она посмотрела на свои руки. Чёрные линии проступили на всей длине рук, они пульсировали в такт её сердцу, и кожа под ними становилась серой, прозрачной, текучей.

Она была ключом. Она всегда была ключом.

И в этот момент она поняла, что у неё есть выбор. Она может шагнуть в воду, открыть дверь, и всё закончится. Она станет частью голоса, частью покоя, частью вечности. Или она может найти способ закрыть дверь. Навсегда.

Она встала. Ноги дрожали, но она устояла.

— Я закрою тебя, — сказала она в пустоту. — Я найду способ.

В ответ раздался смех. Глубокий, подводный, переливающийся, как эхо в пещере.

«Ищи, — сказал он. — У тебя есть два дня. Но помни: каждый шаг к двери — шаг от себя. Ты теряешь себя, Настя. Ты становишься мной».

Она не ответила. Она повернулась и пошла прочь. Мимо поющих людей. Мимо мамы. Мимо Алины. Она шла к библиотеке, к дневнику урядника, к тому месту, где всё началось.

Она найдёт способ. Она должна.

Потому что она не просто Настя.

Она — дверь.

И двери умеют закрываться.

А над площадью, над городом, над Доном, колокол ударил шесть раз. И в каждом ударе слышалось её имя. И в каждом ударе оно звучало всё тише, всё дальше, потому что Настя уходила в себя, в свою человеческую суть, пытаясь спасти то, что ещё можно было спасти.

Но она не знала, что у неё осталось всего два дня. И что каждый час она становится менее человеком и более чем-то другим. Чем-то, что может открыть дверь.

И она боялась не голоса.

Она боялась себя.

Глава 7

Она шла по пустому городу, и каждый шаг стоил ей частицы себя.

Не в переносном смысле. Буквально. Настя чувствовала, как с каждым шагом её тело становится легче, как кожа на руках становится тоньше, прозрачнее, как под ней, вместо крови, течёт что-то тёмное и медленное. Она не смотрела на свои руки — она боялась увидеть, что они уже не её.

Дождь кончился так же внезапно, как начался. Но влага осталась — она висела в воздухе туманной взвесью, оседала на волосах, на ресницах, на одежде, и Настя вдыхала её вместе с воздухом, и каждый вдох отдавался в груди тягучим, солёным вкусом. Вкус был знакомым. Она не могла вспомнить откуда, но язык узнавал его — вкус слёз, моря, глубокой древней воды, в которой не было жизни, но была память.

Библиотека стояла на углу Пушкинской и Будённого. Старое здание с колоннами, облупившейся штукатуркой и высокими окнами, за которыми всегда горел жёлтый свет. Сейчас окна были тёмными, и на стёклах, изнутри, проступали те же чёрные спирали, что Настя видела везде.

Она подошла к двери. Тяжёлая дубовая створка была приоткрыта, и из щели сочилась вода — тонкая, маслянистая, с запахом мяты и монет. Она стекала по ступеням, образуя ручеёк, который тянулся к Дону, к реке, к голосу.

Настя толкнула дверь. Та поддавалась с протяжным скрипом, и она шагнула внутрь.

Вестибюль библиотеки был затоплен по пояс. Вода стояла неподвижно, гладкая, как зеркало, и в ней отражались высокие потолки с лепниной, и в отражении лепнина была живой — она дышала, двигалась, складывалась в те же узоры, что Настя видела под водой. Она шагнула в воду, и она сомкнулась вокруг её бёдер, тёплая, плотная, как парное молоко.

Она пошла вперёд, к лестнице, ведущей в читальный зал. Вода поднималась, но не мешала идти — она расступалась перед ней, как живая, и смыкалась за спиной, оставляя за ней только тишину и рябь.

На втором этаже было сухо. Здесь вода не дошла — она остановилась на первой ступеньке, как будто невидимая стена преграждала ей путь. Настя вышла на сухой пол, и ноги её, босые, оставляли мокрые следы на старом паркете.

Читальный зал был пуст. Столы, лампы, стулья — всё на своих местах, всё покрыто тонким слоем пыли и тишины. Но на столе, в самом центре, лежал раскрытый дневник урядника. Тот самый. Настя не оставляла его здесь — она унесла его в общежитие. Но он лежал на столе, раскрытый на странице тринадцать, и на ней, чёрными, свежими чернилами, было написано слово: «КОЛЫБЕЛЬ».

Настя подошла к столу. Руки дрожали, когда она коснулась бумаги. Бумага была сухой, тёплой, и от неё пахло не плесенью, а чем-то сладким, похожим на ладан.

Она села на стул. Вода стекала с её пижамы, образуя лужу под стулом, но она не обращала на это внимания. Она вглядывалась в слово, и оно пульсировало перед глазами, складываясь в новые буквы, в новые символы.

Страница начала меняться. Чернила расплывались, превращаясь в карту. Настя увидела Ростов — очертания улиц, мостов, площадей. Но город был не таким, как сейчас. Он был древним, почти неузнаваемым — деревянные крепости, земляные валы, узкие улочки. И в центре, там, где сейчас стоял главный корпус университета, был колодец. Глубокий, каменный, с ободом, покрытым той же чёрной вязью.

Она провела пальцем по карте. Бумага была тёплой, и под пальцем она чувствовала пульс. Такой же, как в воде. Такой же, как в её собственных венах.

— Колодец, — прошептала она. — Он под университетом.

И в этот момент она услышала шаги. Тяжёлые, мокрые, они раздавались где-то внизу, в вестибюле, и приближались к лестнице. Настя вскочила. Она огляделась в поисках укрытия, но в читальном зале не было ничего, кроме столов и стульев.

Шаги стали громче. И вместе с ними — плеск воды. Кто-то поднимался по лестнице, и этот кто-то был не один.

Настя бросилась к стеллажам. Она нырнула между рядами книг, прижалась спиной к тёплой, влажной стене, и затаила дыхание.

В зал вошли. Она не видела их, но слышала — шлёпанье мокрых ног по паркету, тяжёлое, размеренное, как удары колокола. И голоса. Их было много, и все они говорили на одном языке — том самом, древнем, который Настя понимала без перевода.

«Она здесь, — говорили голоса. — Она близко. Она почти готова».

Настя зажала рот ладонью. Сердце колотилось так сильно, что она боялась — они услышат. Но голоса не приближались. Они остановились у стола, у дневника, и над ним склонились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.